M 24/543

М 24/543

Проф. М. Рейснеръ

Библіотека Великой Русской Революціи

Революція и федерація

№ 13-14

Серія популярно-научная

Книгоиздательство Т. Ф. Бѣлопольскаго
Петроградъ — 1917

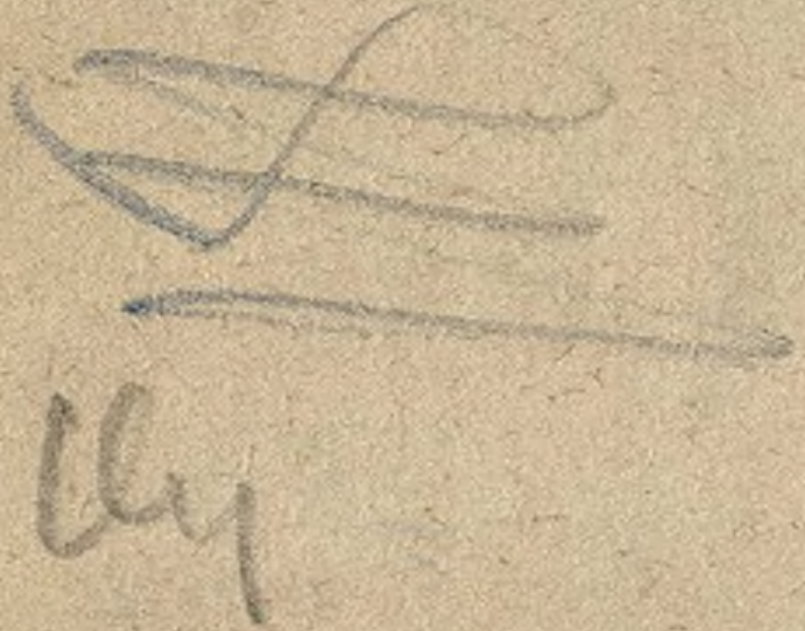
17539
M

201.510.

КНИГА ИМЕЕТ.

Печать листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка в порядковый 1950 г.
2	1	N13-14				D 527 2557	

БИБЛІОТЕКА ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ
13—14 СЕРІЯ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ. 13—14.

М 24/543

Проф. М. РЕЙСНЕРЪ.

Революція, національность и союзный строй (федерація).

I.

Революція и національное освобожденіе.

Равенство—первый признакъ демократической республики—равенство въ свободѣ и правахъ. Но наше старое самодержавіе умѣло также водворить свое равенство. Только равенство наоборотъ, равенство безправія и рабства.

Это былъ порядокъ, при которомъ всякое уклоненіе отъ казарменнаго однообразія преслѣдовалось, какъ бунтъ противъ начальства. Равенство арестантскаго халата, одинаковый и равный для всѣхъ бубновый тузъ—вотъ что было истиннымъ признакомъ вѣрноподданной души.

И до того была сильна эта ненависть къ яркому, «своему» слову, къ непохожей на другихъ жизни, къ необычному виду и образу, къ самобытной мысли и дѣятельности, что нашъ царскій порядокъ пытал-

ся все сравнять во что бы то ни стало, все вытянуть въ одну линію. Даже природу, дома и постройки стремился онъ передѣлать по одному общему арестантскому фасону.

И если бъ удалось просуществовать самодержавію дольше, неизвѣстно еще въ какую пустыню, мертвую, однообразную и сѣрую, превратило бы оно жизнь милліоновъ людей и духовныя богатства безчисленныхъ народовъ, въ Россіи объединенныхъ.

Ужасно было то, что дѣлали наши обрусители на Востокѣ и Западѣ среди подвластныхъ Россіи народовъ. Для нашихъ бурбоновъ было совершенно невыносимо, что какіе-то поляки говорятъ по-польски, что у нихъ есть своя столица Варшава, свои святыни и народные герои, что они дерзаютъ любить свою Польшу и оплакивать потерянную свободу. Не меньше злобы и ярости вызывали у нашихъ обрусителей финляндцы: — «какъ такъ, живутъ подъ самымъ Петербургомъ, по виду обыкновеннѣйшіе чухны, а глядишь, свое государство устроили. Говорятъ по-своему, становыхъ и жандармовъ не признаютъ, съ нашими попами молебновъ не служатъ— бунтъ, революція!»

Раззорить, усмирить, подтянуть, сослать, задать имъ перцу, въ бараній рогъ согнуть, Кузькину мать прописать инородцамъ.

Такъ дѣйствовали наши обрусители въ Финляндіи и Польшѣ, наши знаменитые «ташкентцы» въ средней Азіи и Сибири, наши полицейскіе патріоты съ ихъ кулачнымъ православіемъ въ занятыхъ нами областяхъ Галиціи.

Отвѣтную ненависть и горькое негодованіе порождали эти обрусители среди народовъ Россіи. Евреи и армяне, поляки и грузины, буряты и киргизы, украинцы и литвины—всѣ они съ недовѣріемъ и ужасомъ смотрѣли на россійское объединеніе и насильственное уравненіе всѣхъ на одно лицо, на одинъ языкъ, на одну душу. Казалось еще немного—и не будетъ больше у людей ни материнскаго языка, ни дѣдовской вѣры, ни отчизны. Не будетъ живой народной души, и превратится человѣкъ въ деревянную куклу, которая вытесана для всѣхъ странъ и народовъ однимъ и тѣмъ же полицейскимъ топоромъ.

Особенно плохо приходилось у насъ такъ называемымъ «восточнымъ инородцамъ», или, попросту говоря, евреямъ. Они были поставлены совершенно на особое мѣсто. И можно даже сказать, что въ одномъ отношеніи народность эта была даже признана, защищаема и охраняема русскимъ правительствомъ. Только признаніе было такого сорта, что лучше бы его не было совсѣмъ.

Евреи, какъ исповѣдующіе іудейскую

вѣру, были признаны по этому самому мошенниками и негодяями. Подобно тому, какъ въ древнемъ мірѣ слово «христіанинъ» означало для язычниковъ падшаго человѣка, такъ въ христіанской Россіи послѣдователь Библіи почитался безъ всякаго суда и разслѣдованія готовымъ преступникомъ, и на него сыпались всевозможныя преслѣдованія: лишали его правъ гражданина, запирали въ чертѣ осѣдлости—безъ права выѣзда (въ другія мѣста),—лишали доступа въ школу, а въ крайнихъ случаяхъ подвергали погрому и разграбленію.

И вотъ что удивительнѣе всего. То самое царское правительство, которое такъ преслѣдовало за вѣру евреевъ, въ то же самое время хранило и защищало эту будто бы «вредную» вѣру, поддерживало кабалу еврейскихъ богатѣевъ надъ бѣдняками, охраняло «кагалъ», а послѣ его отмѣны тяжелые коробочные сборы и даже держало на казенный счетъ всевозможныхъ раввиновъ съ ихъ школой—хедеромъ—гдѣ забивали до отупѣнія еврейскихъ дѣтей.

Такова была «терпимость» къ разнымъ народамъ со стороны царскаго правительства...

Но пришла весенняя свобода, и словно грязный заматерѣлый ледъ, полопался и сошелъ съ нашихъ полей старый царскій порядокъ. И гдѣ еще вчера было такъ печально и однообразно, и такъ уныло по-

хожи были другъ на друга народныя массы, вдругъ словно отъ горячаго солнца раскинулась невиданная на Руси картина.

Какъ музыка, разными голосами полилась скованная рѣчь порабощенныхъ народовъ, каждый заговорилъ по-своему, каждый принесъ Россіи свое собственное слово. А новое слово есть всегда и новая мысль, а съ каждый новой мыслію все богаче становится народная душа, все больше знаній и силъ несетъ она человѣчеству.

Вѣдь каждый языкъ творитъ и несетъ съ собою свои сказки и думы, свою мудрость и пѣсни, сердце, излитое въ стихахъ, разумъ, положенный на музыку слова.

Освобожденіе Россіи принесло свободу всѣмъ народамъ, ее населяющимъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ наново возникъ вопросъ о томъ, въ какой степени должна быть признана народная или національная самобытность, въ какихъ формахъ должна быть выражена свобода на языкъ, школу и культуру, не связанъ ли вопросъ о національности съ другимъ, не менѣе важнымъ вопросомъ: о раздѣленіи Россіи на отдѣльныя области и земли, гдѣ должно быть предоставлено самоуправленіе или даже полунезависимое—автономное—управленіе отдѣльнымъ народностямъ.

Но спрашивается теперь: что же пони-

мать подъ этой народностью или національностью? Въ чемъ ея суть?

II.

Національность и общественные классы.

По поводу національности существуютъ различныя воззрѣнія. И сообразно съ этимъ рѣшаютъ вопросъ о ея судьбахъ.

И прежде всего насъ поражаетъ, до какой степени люди разныхъ круговъ по разному смотрятъ на этотъ вопросъ. Можно даже прямо сказать: каждый общественный классъ создаетъ себѣ какую-то особую національность, мало понятную для другихъ.

Начнемъ съ той идеи національности, которую проповѣдуютъ хотя бы среди землевладѣльцевъ, дворянъ и къ нимъ близкихъ круговъ. Здѣсь совсѣмъ удивительное понятіе о національности.

Будучи связаны съ испоконъ вѣка съ военной и гражданской службой, принимая дѣятельное участіе въ придворной и государственной жизни, господа дворяне всегда очень хорошо понимали, что такое власть, начальство, дисциплина. Такъ родилось у нихъ представленіе о крѣпкой связи съ государствомъ и чувство не менѣе крѣпкой привязанности къ хорошимъ служебнымъ постамъ.

Уже давно писатель-сатирикъ, Щедринъ, отмѣтилъ, что въ иныхъ кругахъ постоянно смѣшиваютъ двѣ вещи: «отечество» и «Ваше превосходительство». Такое смѣшеніе вполнѣ понятно у людей, которые встрѣчались съ отечествомъ только въ качествѣ придворныхъ кавалеровъ, военныхъ генераловъ или же полиціймейстеровъ и губернаторовъ. Вѣрнопреданность начальству они искренно почитали за любовь къ отечеству и не менѣе искренно возмущались, когда кто-нибудь любилъ отечество внѣ всякой связи съ даннымъ государственнымъ порядкомъ.

Впрочемъ, не менѣе связывали господъ дворянъ съ государствомъ ихъ помѣстные и вотчинные интересы. И если съ одной стороны складывалась любовь къ различнымъ дворянскимъ гнѣздамъ, то съ другой стороны было вполнѣ очевидно, что эти гнѣзда держатся въ высокой степени той помощью и поддержкой, которую всегда щедро удѣляла «столпамъ отечества» царская милость.

Когда поэтому возникалъ вопросъ о связи между отечествомъ и національностью, то дворяне неизмѣнно вѣрили, что отечество и государство одно и тоже, и что оффиціальный патріотизмъ есть единственное не только дозволенное, но и похвальное выраженіе чувствъ по отношенію къ родинѣ.

Можно привести массу историческихъ

примѣровъ того, какъ быстро измѣнялось «національное» чувство дворянъ въ зависимости отъ государственной перестройки и перемѣнъ въ положеніи начальства. Такъ, прусское дворянство до объединенія Германіи совершенно не считало себя нѣмецкимъ и его члены возмущались, когда кто-нибудь королевско-прусскихъ дворянъ называлъ «нѣмцами». И точно также чувствовали себя дворяне баварскіе, баденскіе и т. п.

Но стоило только прусскому королю возложить на себя германскую корону, преподнесенную ему не какими-нибудь депутатами франкфуртскаго парламента, а ихъ величествами, германскими королями, какъ картина немедленно измѣнилась. Дворяне сразу превратились не только въ нѣмецкихъ, но даже «всенѣмецкихъ» патріотовъ націоналистовъ, которые яростно требовали объединенія всѣхъ нѣмцевъ подъ властью общегерманскаго пруссака.

Нѣчто подобное произошло въ Австріи, гдѣ во время господства нѣмецкой государственности и австрійскаго самодержавія дворянство было только нѣмецкимъ и знало только нѣмецкій языкъ, нѣмецкое право, нѣмецкую власть. Но стоило единой имперіи развалиться на отдѣльныя и національныя области, какъ вслѣдъ за этимъ магнаты и дворяне сразу ощутили себя: поляками, чехами, хорватами и т. д.: гдѣ государство, тамъ и народность!

У насъ на Руси патріоты среди дворянъ завелись давно, но сравнительно очень недавно они стали говорить по русски и учиться русской грамотѣ. Это нисколько не помѣшало имъ во имя «народной гордости» и «любви къ отечеству» ѣздить верхомъ на евреяхъ, унижать поляковъ и презирать «гнилой западъ». «Громъ побѣды раздавайся» таковъ былъ кличъ ихъ кулачнаго патріотизма.

Собственно, сельское населеніе никогда не отличалось національнымъ сознаніемъ. Крестьянская масса отличалась скорѣе безсознательной неподвижностью, чѣмъ устойчивостью національныхъ началъ. Правда, у крестьянъ словно въ особомъ хранилищѣ сберегался народный бытъ, обычаи, языкъ и обряды. Хранились старыя пѣсни и преданія. Удержались подчасъ національные наряды и празднества. Но по существу крестьянинъ никогда не задумывался надъ тѣми чертами, которыя были признакомъ его народной души.

Когда же его спрашивали о его родинѣ, онъ понималъ ее чрезвычайно узко. Деревня, волость, ну, въ лучшемъ случаѣ уѣздъ, вотъ предѣлы, которыми замыкался его кругъ. Своя хата, пашня, погостъ и церковь —въ этихъ предметахъ сосредоточена была его привязанность и любовь. Близкими себѣ считаетъ крестьянинъ только земляковъ, живущихъ самое большое въ той же губерніи.

Остальные ему представляются чужаками.

Если еще что способно объединить крестьянскую массу хоть и довольно слабой связью,— это единство вѣроисповѣданія. Православные и католики—таково, напримѣръ, обозначеніе, которое долго держалось въ нашемъ крестьянствѣ для выраженія разницы между русскими и поляками.

Какъ очевидно, въ крестьянствѣ нѣтъ того, что можно было бы назвать чувствомъ національности. Земледѣлецъ очень любитъ свою хату и землю, но только на военной службѣ его научаютъ болѣе широкимъ понятіямъ и пріучаютъ цѣнить всю землю, всю страну, какъ свою родину. И только благодаря воздѣйствію интеллигента-учителя крестьянинъ начинается понимать и чувствовать національную связь.

Изъ городскихъ классовъ пролетаріатъ менѣе всего способенъ проникаться національными чувстами. Здѣсь вліяетъ очень много условій его дѣятельности и жизни. Принадлежа къ наиболѣе подвижной части населенія, фабричный рабочій не имѣетъ угла, который могъ бы считать постоянной осѣдлостью. Повинуясь требованіямъ рабочаго рынка, сегодня онъ здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ. Современный городъ, похожій одинъ на другой какъ двѣ капли воды, во всѣхъ странахъ міра тоже не содѣйствуетъ развитію нѣжной привя-

занности къ мѣсту. Обожанію земли здѣсь появиться неоткуда.

Условія труда не менѣе способствуютъ міровой связи. Русскія машины ничѣмъ не отличаются отъ всякихъ иныхъ, техника и точная наука вообще лишены національности. Хозяйственное положеніе рабочаго, его рабская зависимость отъ капитала носитъ совершенно одинаковый характеръ во всѣхъ странахъ свѣта. И если у рабочаго есть друзья, то какъ разъ такіе же какъ онъ пролетаріи заграницей, и если есть враги, то это капиталисты всѣхъ національностей.

Пролетаріатъ поэтому всегда стремился къ созданію международнаго братства, къ установленію единой демократіи всѣхъ трудящихся. Признаки общей «національности» для пролетарія только одни—рабочія мозолистыя руки и шея, стянутое ярмомъ предпринимателя!

Страшная европейская война нанесла жестокій ударъ пролетаріату въ самомъ его сердцѣ—въ стремленіи къ народному братству—къ интернаціоналу! Увлеченные безпощаднымъ соперничествомъ торгово-промышленныхъ государствъ, пролетаріи всѣхъ странъ оказались въ братоубійственной войнѣ подъ знаменемъ національной ненависти.

Но уже сейчасъ, послѣ великой русской

революціи, которая потрясла до основанія троны всей Европы, чувствуется все больше и больше возрожденіе истинно-пролетарской души, и съ заключеніемъ мира всемірный союзъ пролетаріата—интернаціоналъ—несомнѣнно станетъ дѣйствительностью.

Это не значитъ, что пролетаріатъ лишенъ родной рѣчи и духовной связи съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ. Но это обозначаетъ, что къ національности онъ подходитъ со своей стороны, и она мыслима для него лишь какъ свободное проявленіе народнаго духа подобно религіозной вѣрѣ, художественному творчеству и научной мысли.

На совершенно противоположной точкѣ зрѣнія стоитъ классъ капиталистовъ, фабрикантовъ, купцовъ, предпринимателей. Основное противорѣчіе, которое лежитъ въ ихъ хозяйственномъ положеніи, отражается цѣликомъ и на ихъ пониманіи національности. И если они держатъ въ своихъ рукахъ народные хозяйство, связанное безчисленными нитями съ хозяйствомъ міровымъ, то, вѣдь, съ другой стороны они дѣлаютъ это исключительно въ личныхъ корыстныхъ выгодахъ. То же противорѣчіе находимъ мы и въ ихъ національной идеѣ.

Такъ съ одной стороны деньги, капиталъ, національности не имѣетъ—деньги всюду пахнутъ одинаково—потомъ и кровью трудящихся. У капитала родины

нѣтъ: онъ переливается по всему свѣту въ тѣ мѣста, гдѣ крупнѣе прибыль и жирнѣе лихва; національныхъ границъ онъ при этомъ не признаетъ. И даже во время настоящей войны капиталъ въ гораздо большей степени, нежели рабочіе, показалъ международную общительность. Капиталисты «согласія» великолѣпно торговали съ капиталистами «союза», русскіе люди не брезгали нѣмецкими деньгами за русское масло и икру, хлѣбъ и лошадей, а нѣмцы не чувствовали никакого отвращенія къ русскимъ рублямъ въ обмѣнъ за свои товары.

Національныя чувства точно также никогда не мѣшали капиталистамъ продавать различные продукты своимъ сородичамъ и соотечественникамъ въ три дорога для того, чтобы этимъ путемъ оплатить издержки производства и облегчить вывозъ товара заграницу. Само собою разумѣется, что въ этихъ случаяхъ чужеземцы покупали товары вдвое дешевле, нежели платили за нихъ туземцы—добрые соотечественники господъ капиталистовъ. Блистательнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи былъ русскій сахаръ.

Такова международная душа капитализма. Она тщательно скрывается и замалчивается. На первый же планъ выдвигается черта противоположная—«страстной» любви къ своей родинѣ и не менѣе «страстной» ненависти къ чужеземцамъ. Основа же для всѣхъ этихъ страстей очень простая; и ме-

нѣе всего она отличается идеальнымъ характеромъ, несмотря на всѣ звонкія фразы и громкія слова, которыми она украшается.

Все дѣло въ томъ, что капиталисты нынѣшняго міра еще не создали такихъ союзовъ или трéстовъ, которые бы сосредоточивали въ рукахъ одной или нѣсколькихъ компаній всѣ капиталы міра. Несомнѣнно, нынѣшняя война въ значительной степени приведетъ къ такому результату. Уже сейчасъ произошло сосредоточеніе громаднѣйшихъ капиталовъ въ немногихъ рукахъ, и присоединеніе Америки къ державамъ согласія является признакомъ чрезвычайнаго значенія.

Какъ разъ въ Америкѣ капиталъ не только возросъ до чудовищныхъ размѣровъ, но и великолѣпно организованъ въ рукахъ немногихъ частныхъ, лицъ, такъ называемыхъ милліардеровъ. И если эти господа, заполучивъ въ свои руки почти все европейское золото, присоединились къ великимъ демократіямъ Европы, то это показываетъ, что приближается время великаго объединенія капиталистовъ и братства денежныхъ мѣшковъ всего міра.

Но пока война еще продолжается,— до тѣхъ поръ на поляхъ сраженія открыто ведется та борьба, которую до войны неустанно, хотя и скрытно вели между собою капиталисты разныхъ странъ. Англійскій капиталъ соперничалъ съ германскимъ капи-

таломъ, каждому хотѣлось захватить побольше чужеземныхъ странъ для сбыта, побольше колоній для ограбленія и торговли. Въ такомъ же положеніи находились по отношенію другъ къ другу капиталисты всѣхъ странъ. И отсюда родилась ихъ «національность»!!

Чтобъ ее опредѣлить, достаточно немного словъ: «все что въ нашей странѣ, должно быть наше, а что заграницей ваше—то тоже должно быть наше.» Отсюда и высоконаціональное стремленіе истребить всѣ прочія національности и утвердить одну свою. Или иначе: «власть національнаго капитала!»

Какъ очевидно, національныя чувства и стремленія отдѣльныхъ классовъ не даютъ намъ ни одного сколько-нибудь общаго начала, которое могло бы примирить всѣ классовыя разнорѣчія, объединить всю страну подъ знаменемъ одной національности. Это начало нужно искать гдѣ то въ другомъ мѣстѣ.

И на самомъ дѣлѣ, мы его находимъ не въ отдѣльныхъ классахъ, а въ общей имъ, всѣмъ организаціи, и создается идея національности преимущественно тѣми людьми, которые, подобно интеллигенціи, стоятъ между отдѣльными классами и являются ихъ внѣшней связью. Они творятъ духовную культуру.

III.

Понятіе національности.

Всякій разъ, когда пробуютъ выяснить понятіе національности, всѣ довольно дружно сходятся на нѣкоторыхъ ея признакахъ.

И эти признаки дѣйствительно лежатъ прежде всего въ духовной дѣятельности народа.

Такъ обыкновенно на первомъ мѣстѣ ставятъ языкъ.

Но вѣдь языкъ не потому имѣетъ цѣнность, что онъ есть просто средство общенія между людьми. Такими средствами являются такъ же разные сигналы и флаги, условные знаки и т. п. И не всякій языкъ оказывается достаточно зрѣлымъ для того, чтобы стать національнымъ благомъ. Нужно, чтобы онъ былъ достаточно развитъ и гибокъ, нужно, чтобы онъ былъ богатъ и выразителенъ, чтобы при его помощи были и дѣйствительно выражены разныя мысли и понятія, красивые образы и звучныя пѣсни. Языкъ неразлученъ съ тѣмъ, что мы называемъ духовной культурой.

Какъ на признакъ національности часто указываютъ на религію. Но и здѣсь, можно сказать, цѣнность религіи зависитъ вовсе не отъ простой вѣры въ Бога. Какъ національное достояніе, религія цѣнится лишь тогда, когда она въ свою очередь

придаетъ Богу и богопочитанію народный характеръ, создаетъ своего національнаго Христа, вливаетъ въ религію надежды и упованія, горе и радости именно даннаго народа. Вѣдь религія всегда есть вмѣстѣ съ тѣмъ и мораль, и наука и философія.

Не разъ было отмѣчено, что Христосъ Витантія былъ цѣликомъ списанъ съ гордаго и властнаго, жестокаго и сухого византійскаго «святого» царя. Христосъ лютеранства былъ добрымъ и честнымъ нѣмецкимъ бюргеромъ, Христосъ католика, Франциска Ассизскаго, совѣмъ не отличался отъ святого безсребренника итальянской нищеты, а русскій Христосъ среди нашихъ печальныхъ равнинъ сталъ мученикомъ общей крестьянской доли.

И здѣсь, слѣдовательно, идетъ рѣчь не просто о вѣрѣ, а обо всей духовной культурѣ, какъ она отражается въ религіи народовъ.

Но то же можно сказать съ еще большимъ правомъ о національномъ творчествѣ—наукѣ и литературѣ, поэзіи и музыкѣ, художествѣ и философіи. У каждаго народа благодаря особымъ условіямъ его жизни, всѣ эти отрасли духа получаютъ извѣстный оттѣнокъ, который придаетъ имъ отличительныя черты. И здѣсь опять таки надо различать ихъ общія цѣли и дѣйствительный способъ ихъ осуществленія.

По своимъ цѣлямъ всѣ эти виды дѣятельности сходятся въ одномъ—въ позна-

ніи истины, осуществленіи добра, достиженіи красоты и благообразія. Съ этой стороны правильно говорятъ, что нѣтъ и не можетъ быть перегородокъ, а тѣмъ болѣе китайской стѣны между дѣятелями духа всѣхъ странъ и народовъ. Съ этой стороны писатели, художники и ученые всего міра представляютъ собой одну семью. И во истину нигдѣ такъ больно не чувствуется кровавый рубецъ войны, какъ въ этой области.

И когда различные ученые, художники, всякія академіи и университеты подъ вліяніемъ военнаго дурмана стали проклинать другъ друга, исключать взаимно изъ международныхъ обществъ и соединеній, то зрѣлище это было столь же отвратительно, сколь и позорно. У людей духа одинъ врагъ—ложь и неправда, одинъ Богъ—истина и красота, и тѣмъ, что они измѣнили своему призванію и вмѣшались въ дикую свалку войны, совершили они грѣхъ, который никогда не прощается—преступленіе противъ духа святого.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, духовной дѣятельности всегда присуща и національная окраска. И это не въ цѣляхъ, а въ средствахъ исполненія. Ибо каждый творецъ въ области духа создаетъ не изъ пустоты, не изъ ничего, а беретъ свой матеріалъ изъ окружающаго, изъ воспоминаній, впечатлѣній, переживаній, которыя

навѣяны со всѣхъ сторонъ вокругъ него текущей жизнью. Въ виду этого каждый работникъ въ области духа необходимо и неизбѣжно національненъ потому, что онъ буквально выростаетъ изъ своей почвы, питается ея соками, живетъ ея силой.

Національненъ въ корняхъ и сверхъ-національненъ въ цѣляхъ. Такова сущность каждаго истиннаго творца въ области духа. Его творчество можно сравнить съ могучимъ деревомъ, его корни глубоко въ почвѣ, крѣпко обнимаютъ каждый камень, цѣпко и жадно впились въ землю. Сойти со своей почвы,—значитъ лишиться всѣхъ корней. Но смотрите, какъ поднялся его стволъ, какъ раскинулись вѣтви, какъ простираютъ они свои объятія воздуху и свѣту, какъ отдаются всему міру, простираются въ высь и ширь.

Духовное творчество и культура—такова истинная родина національности, этимъ же опредѣляется ея природа и устанавливаются необходимые естественные предѣлы. Будучи національнымъ творчествомъ, направленнымъ къ великому общенію человѣчества, она гибнетъ въ узкихъ предѣлахъ замкнутаго государства, какъ растеніе въ темномъ и душномъ подвалѣ. Но съ другой стороны, какъ всякое проявленіе духа, она не терпитъ никакого насилія или принужденія. Отсюда надо сдѣлать необходимые выводы.

И, во первыхъ, надо положить рѣзкое различіе между культурой національнистической и національной въ широкомъ смыслѣ слова.

Первая по самымъ своимъ цѣлямъ стремится къ удовлетворенію мѣстныхъ запросовъ, узкихъ потребностей, замкнутаго уединеннаго общества. Уже въ силу этого она осуждена на незначительную роль и быстро вырождается въ чисто бытовое явленіе. Боязнь всякаго посторонняго вліянія заставляетъ такую культуру какъ бы вертѣться вокругъ самой себя и вѣчно повторять уже изжитыя мысли и образы.

Результатомъ этого является мертвенность и господство внѣшней формы, которая принимаетъ строго обязательный характеръ.

Бездарность и безсодержательность — таковы признаки національности, глаза которой упорно обращены внутрь, и которая судорожно боится чего-нибудь новаго, чужеземнаго, внѣ ея самой лежащаго. Это настоящая смерть. Что было бы, если бы нашъ Пушкинъ ограничился только русскимъ вкусомъ и повтореніемъ давно извѣстныхъ русскихъ азовъ. Что было бы съ Гете, еслибы онъ проповѣдывалъ только свое нѣмечество, что было бы съ Шекспиромъ, если бы онъ отбросилъ отъ себя все внѣ Англіи лежащее. Это была бы китайщина,

буквоѣдство, старообрядчество, но никакъ не произведеніе національныхъ геніевъ.

Но еще хуже, когда живое развитіе языка, его вѣчно измѣнчивую жизнь, запираютъ въ принудительныя рамки. Когда во имя національнаго однообразія обезображиваютъ всякое, иное, не національное проявленіе духа. Когда наконецъ въ школѣ, въ общественной жизни, въ духовной дѣятельности всѣмъ навязываютъ въ качествѣ обязательныхъ національные шаблоны, національный языкъ, національную культуру и принуждаютъ нѣмца насильственно стать русскимъ, еврея полякомъ, латыша нѣмцемъ и т. п.

Россія для русскихъ! Америка для американцевъ! Германія для нѣмцевъ! Азія для азіатовъ! Вотъ призывы, хуже которыхъ нельзя было выдумать. Ибо здѣсь ужъ прямо духовная культура замѣняется фасономъ носа, цвѣтомъ волосъ, вѣроисповѣдной записью, въ лучшемъ случаѣ школьнымъ дипломомъ, въ худшемъ—обиходнымъ языкомъ опредѣленнаго народа. И этимъ людямъ все, они граждане перваго разряда, другіе же только терпимы въ качествѣ безправныхъ паріевъ на пресловутой національной землѣ или территоріи.

Національность и территорія вотъ слова, соединеніе которыхъ воистину должно быть навсегда вычеркнуто изъ народной жизни. Вѣдь это значитъ ни

больше ни меньше, какъ то, что въ предѣлахъ данной территоріи, или другими словами, опредѣленной земли, или даже области, можетъ существовать только одинъ языкъ, одна вѣра, одинъ народъ, одна духовная культура. Всѣмъ другимъ входъ строго воспрещается. Но почему? Какая связь между даннымъ языкомъ и вотъ именно этимъ кускомъ земли? Почему духовная культура прикрѣпляется къ данной мѣстности? Развѣ можно вообще духъ и духовную жизнь посадить за заборъ, прикрыть крышей, запереть на замокъ или привязать веревкой къ опредѣленному мѣсту? Вѣдь, духъ живетъ вездѣ, гдѣ существуетъ человѣкъ, но также извѣстно, что если даже запереть и убить человѣка, то духъ его въ творческомъ словѣ переживетъ смерть и вырвется изъ любой тюрьмы.

Прикрѣплять и закрѣпощать духъ это подлинная безсмыслица!

Подобную же ошибку дѣлаютъ всѣ, которые связываютъ національность съ національнымъ же государствомъ. Это можно объяснить лишь полнымъ непониманіемъ самого государства. Здѣсь смѣшиваютъ опять сущее и должное, фактъ и принудительный законъ.

Вполнѣ естественно, что въ государствѣ большинство его членовъ можетъ принадлежать къ одному племени или народности, къ одному вѣроисповѣданію или

партіи. Можно даже себѣ представить государство, большинство гражданъ котораго, пользовалось бы высшимъ образованіемъ или принадлежало къ собственникамъ съ доходомъ не меньше 1000 р. въ годъ, но было бы странно и нелѣпо, еслибъ на этомъ основаніи мы рѣшили, что это государство спеціально прогрессивное или обладающее высшимъ образованіемъ или же наконецъ государство такихъ-то собственниковъ, и въ силу этого мы лишили бы гражданскихъ правъ всѣхъ, кто не подходитъ подъ данную мѣрку.

Вѣдь государство есть ни что иное, какъ принудительный порядокъ общежитія классового общества, установленный въ опредѣленныхъ земельныхъ границахъ. При чемъ тутъ языкъ или вѣроисповѣданіе, ростъ жителей или цвѣтъ ихъ волосъ?

Необычайно страннымъ поэтому является желаніе евреевъ-сіонистовъ непремѣнно устроить себѣ особое государство, не то въ Аргентинѣ, не то въ Палестинѣ. Зачѣмъ это нужно? Развѣ они не могутъ говорить на своемъ языкѣ, молиться по своему обряду и пользоваться всѣми гражданскими правами въ государствахъ свободной Европы? Или нужно непремѣнно, чтобы еврей-обыватель гдѣ то имѣлъ еврея полицейскаго, который бы слушался еврея-судью, а для нихъ издавалъ бы законы еврей-законодатель и скрѣплялъ ихъ еврей-король или

президентъ. Это, конечно, невинная затѣя, и для развлеченія можно устроить гдѣ-нибудь государство Лилипутъ, гдѣ въ сохранности находились бы и еврей-полицейскій и еврей-президентъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы реальные интересы еврейскаго народа и общества были бы удовлетворены такой игрушкой національной государственности.

Воля къ государству основывается не на такихъ силахъ, какъ національность. Возрожденіе и объединеніе Польши совершается вовсе не для того, чтобы люди, говорящіе по-польски,-имѣли своихъ поляковъ городовыхъ. Польша, которая отлично можетъ заключать въ своей средѣ и русинъ и литовцевъ и евреевъ, есть прежде всего исторически сложившееся народно-хозяйственное соединеніе съ законченнымъ классовымъ порядкомъ, который образуется при помощи опредѣленныхъ общественныхъ классовъ. Будетъ ли Польша говорить по-польски, это зависитъ отъ наличности населенія, говорящаго по-польски, но государствомъ она должна быть потому, что у нея имѣется крестьянство, пролетаріатъ, буржуазія и шляхетство, объединенные общимъ хозяйственнымъ интересомъ.

Такъ мы подходимъ отъ вопроса національности къ вопросу объ автономіи и сокзномъ строѣ. Но передъ этимъ мы

должны опредѣлить основное право всякаго гражданина, который причастенъ къ духовной культурѣ, а, слѣдовательно, и національности.

Подобно религіи національная культура есть частное дѣло гражданъ. Никому не должно быть запрещено пользоваться его роднымъ языкомъ въ общественныхъ отношеніяхъ и частномъ обиходѣ. Вездѣ, гдѣ имѣется достаточное количество гражданъ опредѣленной національности, для нихъ должна быть устроена школа сообразно ихъ количеству и потребностямъ—низшая, средняя и высшая. При наличности болѣе или менѣе обширнаго населенія опредѣленной національности имъ должно быть обезпечено право пользоваться національнымъ языкомъ въ мѣстныхъ и областныхъ учрежденіяхъ, и государственныя власти должны обладать знаніемъ этого языка.

Такова культурно-національная автономія, которая связана съ правомъ духовно культурнаго развитія каждаго гражданина.

IV.

Національность и союзный строй (федерація).

Вопросъ о національности не надо смѣшивать съ другимъ—о необходимомъ самоуправленіи или даже объ автономномъ

устройствѣ на мѣстахъ. Право національной свободы, принадлежащее каждому гражданину, еще въ гораздо большей степени принадлежитъ массѣ гражданъ, живущихъ въ тѣхъ или иныхъ областяхъ. Но когда мы будемъ разсматривать дѣло устройства новой Россіи, мы должны здѣсь принять во вниманіе болѣе важныя начала, нежели національность.

Духовная культура вещь необходимая, она даетъ смыслъ всему нашему существованію. Но она мыслима только тамъ, гдѣ уже существуетъ культура матеріальная: нищій и голодный, больной или измученный работой не способенъ ни къ какой духовной культурѣ, его прежде всего надо накормить и дать ему отдыхъ.

Такъ и при устройствѣ государства. Процвѣтаніе наукъ и искусствъ, даже въ самомъ національномъ духѣ, вещь превосходная—въ своей духовной культурѣ народъ созидаетъ великія сокровища на утѣшеніе всѣмъ людямъ. Но опять таки, духовной культурѣ должна предшествовать матеріальная, иначе духовная культура станетъ уродливой и больной или же погибнетъ вовсе.

Конечно, бывали случаи, когда въ деспотическихъ странахъ рабовладѣльцы создавали утонченную и подчасъ изящную національную культуру. Такъ иногда на жирномъ навозѣ и падали выростаютъ уди-

вительно красивые и яркіе цвѣты, но въ нихъ почти всегда скрывается ядъ разложенія и заразы—гнилое дерево часто свѣтится особымъ свѣтомъ.

Нѣкогда и у насъ на Руси были пророки больной культуры, гнилой національности. Выросшіе на ужасахъ крѣпостного права, писатели славянофилы считали вполнѣ возможнымъ сочетать нищету и грязь съ высокимъ развитіемъ духа. Многіе изъ нихъ даже утверждали, что у русскаго человѣка душа тѣмъ становится чище и лучше, чѣмъ мучительнѣе страдаетъ его тѣло отъ грязи, побоевъ и болѣзни!

Эти писатели славянофилы находили даже, что весь смыслъ нашей духовной красоты заключается въ рабскихъ добродѣтеляхъ, смиреніи и послушаніи, глупости и простотѣ; хотѣли представить, будто высшій образецъ для русскаго человѣка—слюнявый и смиренный юродивый, Иванушка-Дурачокъ, который безропотно переноситъ кнутъ и цѣпи или же безпомощно обливаетъ ихъ своими чистыми слезами.

Хотѣли увѣрить насъ, будто только въ позорѣ и мученіи, распятый подобно Христу на крестѣ, подъ терновымъ вѣнцомъ рабства и палкой мучителей русскій народъ единственно можетъ достичь національнаго совершенства, стать народомъ богоносцемъ, носителемъ вселенской правды.

Понятно отсюда, что нѣкоторые изъ этихъ національныхъ пророковъ сдѣлали еще одинъ шагъ и, чтобы поднять русскій народъ до величайшаго совершенства, они предложили прямо заколотить его въ гробъ и упрятать въ могилу: «Россію надо заморозить»—сказалъ одинъ изъ нихъ, г-нъ Леонтьевъ.

Мы разсуждаемъ иначе, мы желаемъ, чтобы національнымъ благомъ были не смиреніе, а достоинство, уваженіе къ себѣ и другимъ. Мы стремимся къ созданію пѣсенъ счастья, а не безысходнаго горя, мы жаждемъ яркихъ цвѣтовъ, полныхъ звуковъ, свѣтлой мысли, прекрасныхъ видѣній.

Такую культуру можетъ дать лишь здоровый человѣкъ, полный надежды и силъ, человѣкъ общественнаго труда и общественнаго братства.

Вотъ почему на первый планъ мы ставимъ хозяйственную организацію мѣстности и желаемъ, чтобъ для раздѣленія Россіи на области, для устройства самоуправленія были приняты во вниманіе прежде всего хозяйственные интересы. Съ этой точки зрѣнія нельзя управлять Сибирью изъ Петрограда, а Кавказомъ изъ Москвы, но вся страна должна быть раздѣлена такъ, чтобы народныя богатства и народный трудъ въ каждой области получили свое выборное управленіе, чтобы на-

родное хозяйство въ каждой области нашло своего хозяина, и областной народъ могъ бы завѣдывать всѣмъ, что касается его области—дорогами, рынками, промышленнымъ надзоромъ, земледѣльческой помощью, фабричной инспекціей, общественными банками и казной, кооперативами и т. д.

И, подобно областному народу, такъ же долженъ поступить народъ губерніи, уѣзда, волости, города и сельскаго общества. Все, что не касается община, должно быть передано уѣзду, все, что не касается уѣзда, должно быть передано губерніи, все, что непосредственно не подлежитъ губерніи, передается въ распоряженіи области. Такъ обществу должна быть предоставлена самая широкая власть; община ближе всего къ народу, а народъ есть первый и главный источникъ всякаго благосостоянія и матеріальной культуры.

Лишь послѣ рѣшенія вопроса о хозяйственномъ самоопредѣленіи могутъ быть подняты вопросы о самоопредѣленіи національномъ. Не бѣда, если въ силу хозяйственной необходимости область получитъ границы, которыя не совсѣмъ совпадаютъ съ предѣлами національнаго разселенія. Въ свободной странѣ національныя права отнюдь не должны быть привязаны къ опредѣленному клочку земли. Но, конечно, представляетъ большія удобства совмѣщеніе хозяйственнаго самоупра-

вленія со средоточіемъ опредѣленной народности. Единство духовной культуры сильно поможетъ и хозяйственному процвѣтанію.

Насколько важно не увлекаться одной національностью, показываетъ хотя-бы тотъ фактъ, что образованіе на русскихъ окраинахъ независимыхъ государствъ изъ тамошнихъ народностей привело бы прямо къ чудовищному результату: земледѣльческая Россія оказалась бы отрѣзанной отъ всѣхъ морей: въ одномъ мѣстѣ киргизской республикой, въ другомъ-казацкой, въ третьемъ-украинской, съ запада латышской и эстонской, и ей для вывоза остался бы Ледовитый Океанъ. Пожалуй, тогда сбылись бы и пожеланія русскаго націоналиста, г-на Леонтьева!

Не менѣе важно, чѣмъ хозяйственное раздѣленіе, является политическое самоуправленіе въ республикѣ. Какъ мы видимъ на примѣрѣ великихъ демократій, тамъ почти вездѣ укрѣпился союзный строй, который состоитъ въ томъ, что единая общая или союзная республика создаетъ подъ своимъ главенствомъ республики областныя для того, чтобы этимъ путемъ ослабить тяжестъ общенародной силы, распредѣлить власть между столицей и мѣстными соединеніями въ надлежащей пропорціи и приблизить народную власть къ ея великому источнику—самому народу.

Такъ, на основѣ прежде всего хозяй-

ственнаго, а затѣмъ, гдѣ нужно, и національнаго начала создается автономія мѣстная, политическая, которая состоитъ въ томъ, что каждая мѣстность—область, губернія, уѣздъ—сама создаетъ себѣ въ рамкахъ общаго закона свои учрежденія законодательныя, правительственныя и судебныя, сама при ихъ помощи издаетъ себѣ законы и свою особую конституцію, завѣдуетъ финансами, народнымъ здравіемъ, просвѣщеніемъ, полиціей и всѣмъ, что представляетъ мѣстный интересъ.

И здѣсь опять таки повторяется тотъ порядокъ, который такъ рѣзко отличаетъ собой союзный строй отъ всякаго другого: чѣмъ власть выше и дальше отъ народа, тѣмъ меньше ей довѣрено дѣлъ, чѣмъ власть ближе къ народу на мѣстахъ, тѣмъ шире ея кругъ вѣдомства, хоть она и ограничена территоріальными (земельными) границами мѣстнаго управленія. Такое раздѣленіе властей есть величайшая защита свободы.

Не національность должна стоять на первомъ мѣстѣ, а свобода. Только тамъ, гдѣ господствуетъ свобода, развивается и національность, а, слѣдовательно, и духовная культура получаетъ свое особое, неподражаемое выраженіе.

Въ виду этого такъ трудно было примирить вражду національностей въ Ав-

стріи и старой царской Россіи, и такъ легко было это устроить въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ или въ Швейцаріи. Двѣ послѣднія республики попросту совсѣмъ не знаютъ національнаго вопроса. Онѣ прямо предоставили своимъ согражданамъ свободу и обезпечили ее союзнымъ строемъ, автономіей областей и широкимъ самоуправленіемъ.

И въ результатѣ въ Швейцаріи, а тѣмъ болѣе въ Америкѣ, всѣ народности и національныя культуры процвѣтаютъ, на свободной республиканской землѣ звучатъ рѣчи всего міра, издаются газеты и обучаютъ дѣтей на всѣхъ языкахъ, просвѣщаютъ, пишутъ, играютъ на сценѣ, двигаютъ науку и проповѣдуютъ въ церквахъ члены всѣхъ національностей во вселенной.

Національный вопросъ разрѣшается только свободой.

А свобода немыслима безъ союзнаго устройства, автономіи и самоуправленія.

Союзная республика освобождаетъ всѣ національности.

15 0

Цѣна 30 к., на станц. жел. дор.—35 к.

Книгоиздательство І. Р. БѢЛОПОЛЬСКАГО

Петроградъ, Невскій, 110, кв. 10. Тел. 131-76.

Серія популярно-научная

№ 1—2. Проф. М. Рейснеръ—Русская революція 1917 г. и ея учрежденія. Цѣна 30 коп.
№ 3—4. Его-же—Россійское Учредительное Собраніе и его задачи. Цѣна 30 коп.
№ 5—6. Его-же—Война и демократія. Цѣна 30 коп.
№ 7. Его-же—Церковь и Государство. Цѣна 15 коп.
№ 8—9. Его-же—Республика, какъ демократическая форма правленія. Цѣна 30 коп.
№ 10. Его-же—Всенародное голосованіе и учредит. собраніе. (Конституціи Франціи, Сѣв. Америки, Швейцаріи, и Австраліи). Цѣна 15 коп.
№ 11—12. Его-же—„Право" и революція. Цѣна 30 коп.
№ 13—14. Его-же—Революція и федерація. Цѣна 30 к.

Брошюры выходятъ номерами въ 1, 2 и 3 печатныхъ листа. Цѣна каждаго печатнаго листа—15 коп.

НОВАЯ КНИГА

Проф. М. Рейснеръ.

„ПРОЛЕТАРІАТЪ и МѢЩАНСТВО"

(„Двѣ души Русскаго народа" въ ученіяхъ Леонида Андреева и Максима Горькаго). Ц. 1 р. 25 к.

НОВАЯ КНИГА

„РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ"

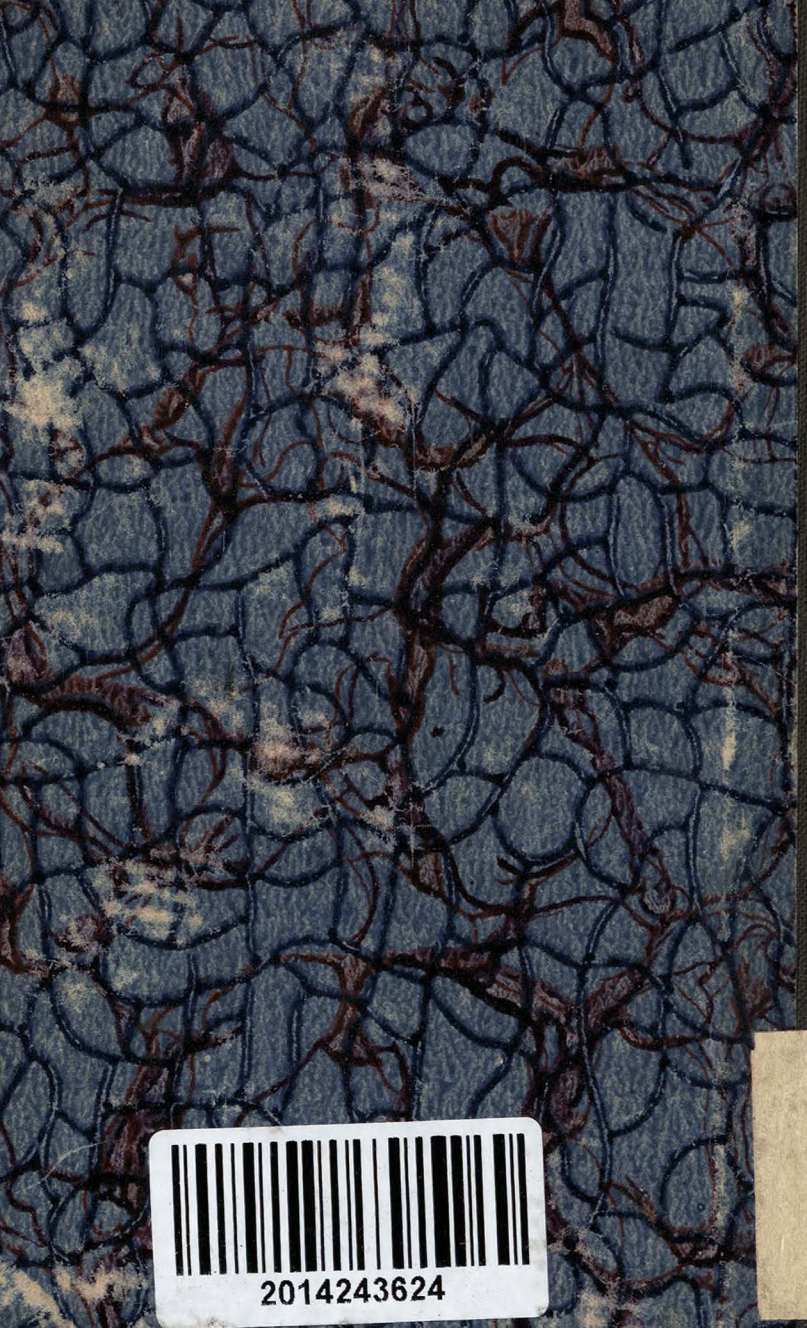
Разсказы, впечатлѣнія и очерки: А. д'Актиля, Ал. Богданова, Ю. Волина, А. Грина, Вал. Горянскаго, Е. Зозуля, Бор. Мирскаго, Як Окунева, Петра Перевалова, А. Рославлева и др. Цѣна 2 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

1) Книгоиздательство І. Р. Бѣлопольскаго Невскій, 110.
2) Газетно-журнал. экспедиція М. Г. Воронова Невскій, 88.
3) Книжный складъ Союза Потребительныхъ обществъ МОСКВА, Переведеновка, соб. домъ.

Тип. Т-ва Петр. Печ. Производства І. Р. Бѣлопольскаго и Ко. Лиговская, 57.

Bkt. 1198.

2014243624